

КРОКОДИЛ

ЦЕНА НОМЕРА 30 КОП.

К 556

12

№ 20 МОСКВА ИЮЛЬ 1933
Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Рис. Л. Бродаты

ПО СТАРОЙ ПРИВЫЧКЕ
— Ишь, ты! У Семена лошадка, видать, кулацкая: ежели не поправишь, так и норовит свернуть!

ОСТАНОВКА ЗА МАЛЫМ (Фашистская 4-летка в действии)

Рис. Л. Гонча

ФАШИСТ: — Боюсь, что в четыре года не уложимся: по пропаганде план-то выполним, а вот промышленность..

БЕСЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В танце резвом и затайном,
Над почтенным старым Рейном
И над Рурским над бассейном,
Над волнами чахлой Шпре,
С каждым часом шибче, круче,
Сквозь гнилой туман зыбучий
„Мчатся тучи, выются тучи
В мутной месяца игре“.

Пляшут тени в дикой сшибке,
Переменчивы и зыбки,
Воют флейты,
Ноют скрипки,
Надрываются басы,
Мчатся тучи-паутины,
Принимая все личины:
От распоротой перины
До газетной полосы.

Это — праздник мракобесья,
Это — ликованье песье,
Это — шествует процессия
Из гостиных и кафе,
Чтоб на площади центральной
В честь страны многострадальной
Разыгралось беспечально
Книжное

ауто-да-фе!

Это выдумать кому бы?

Бубны бьют,

играют трубы,

Дан сигнал,

взлетают клубы,

Дернул колокол звонарь,
И спешит в ладоши хлопать
Упоенная „Европа“,

Прославляя эту копоть

Как спасительную гарь!

Вьется дым, и плещет пламя,
Над огнем трепещет знамя,
И дурман ползет в сознание —
В самый мозг и в самый нюх
И, конечно, на костре том,
В этом воздухе нагретом
Возродится по приметам
„Истинно немецкий“ дух.

Ночь глухая,

Ночь немая,

Плещет пламя, полыхая,

Очертания мешая,

Мчатся тучи сквозь туман —

Тучи разных установок:

От подушек до листовок,

От коричневых штурмовок

До монашеских сутан.

АРГО

„РЫЖИЙ“ У КОВРА

„Отыскался след Тарасов!“ Воскресли в Берлине прославленные Щедриным „помпадурь!“ „Въезжают в город на белом коне“, ягют не только гимназии, но и библиотеки и упрядняют науки. Но этого им уже мало. На-днях фашистское министерство пропаганды объявило:

„что настоящими, чистокровными немцами могут считаться только рыжие и блондины с белой кожей. Все остальные „масти“ считаются „подозрительными по семитизму“.

Скромные шатены — в испуге. Брюнеты — в панике, укладывают чемоданы. В берлинских парикмахерских невероятные очереди на окраску в огненно-рыжий цвет. Мастера сбились с ног. В первую голову бросились краситься матерые белогвардейские полковники и brave погромщики из эмигрантской швали.

И чешет затылок хозяин парикмахерской:

— На эту черную сотню никакой рыжей краски нехватит!

Л. С.

ПЕРЕД ЧИСТКОМ

Известно, кто должен опасаться чистки: классово чуждые элементы, двурушники, нарушители дисциплины, карьеристы и шкурники, перерожденцы и разложенцы. За Иваном же Николаичем, красным директором красного завода, ничего такого не числится. Ивану Николаичу даже и по злобе ничего не пришьешь: промфинплан выполнен, антипартийных поступков нет, биография очень приличная, происхождение нисколько не предосудительное. Чего же бояться с таким багажом?

— Ну, выпивал иногда — старался Иван Николаич припомнить свои прегрешения. — Ну, по женской части не всегда был устойчив и выдержан. Так ведь это ж мелочи быта! В этом и копать не станут. А больше нечего ко мне пред'явить. И напрасно Григорьев куражится: никаких у него не может быть против меня фактов. Никакусеньких!

А с Григорьевым дело было так. Григорьев, слесарь, пришел к Ивану Николаичу и доложил:

— Это я. К тебе, Иван Николаич! Беда, понимаешь; жена заболела! Чистое, понимаешь, горе!

— Понимаю, что горе, — сказал Иван Николаич, — только что ж я-то?.. К доктору надо.

— Был, понимаешь, наш доктор.. И такое тут дело: необходимо, говорит, везти ее в город, в хирургическую лечебницу. Без промедления.

— Так, — сказал Иван Николаич. — Ну, что ж. Доктору, конечно, виднее, а только я занят, товарищ Григорьев.

— Я не задержу, — успокоил его Григорьев. — Я только, понимаешь, этого... Разреши, Иван Николаич, на твоей машине свезти.

Иван Николаич слегка удивился и слегка усмехнулся. Усмехнулся и сказал:

— У меня, тов. Григорьев, своей машины не имеется. Эта машина является собственностью государства, предоставленной в распоряжение директора завода.

— Это правильно, — согласился Григорьев. — Вот я и прошу: ты уж этого... распорядись, Иван Николаич!

— Не могу, — сказал Иван Николаич. — Машина эта предоставлена в мое распоряжение на предмет служебных поездок, а не для частных надобностей.

Да ведь случай-то, понимаешь, такой..

— Какой бы ни был. Машина не для того, чтобы слесарских жен развозить. У ней служебное назначение. Иди, товарищ Григорьев, не отнимай времени у занятого человека!

Но Григорьев не тронулся с места и продолжал отнимать время.

— Надо же в положение войти, Иван Николаич! Человек, понимаешь, умереть может. Везти больше не на чем. Помоги, Иван Николаич!..

Тогда Иван Николаич сказал:

— Ударный ты слесарь, товарищ Григорьев, сознательный кадровый пролетарий, и что же: стараешься ввести ответственное должностное лицо в искушение! И когда? Накануне чистки нашей ячейки! Для чего? Для того чтоб получил я „на вид“ за разбазаривание казенного имущества на частные нужды? Ступай, товарищ Григорьев, делать тебе тут нечего, потому что слово мое окончательное!

После этого Григорьев ушел. Но ушел не безропотно, а с протестом и даже с угрозой:

— Ладно, товарищ красный директор! Ваше окончательное слово сказано, а мое еще нет. Мое слово вы при вашей чистке услышите!

Так было дело с Григорьевым..

Григорьев ушел. Уже с час времени, как ушел. А Иван Николаич все еще сидел и размышлял в порядке предчисточной самопроверки.

— Нет, на чистке нечего ко мне пред'явить. Что ж может сказать про меня Григорьев? Какой такой припасет он камень за пазухой?.. Какие у него могут быть факты?.. Никакусеньких, дорогие товарищи!..

ГРАМЕН

ПОРЫВ

Первое же собрание по чистке взбудоражило Сергея Петровича. „Коллективизм, энтузиазм, горение,—вспоминал он по дороге речь председателя,— и ребята молодцы. Как учатся! Как общественно работают. Сколько читают!“

Сергей Петрович вздохнул.

„А я, свинья, совсем отстал. Служба — и ничего больше. Да и вообще — какой я коллективист? Так, просто, служащий. Конечно работаю, помогаю строительству, но ведь за деньги. Тот же чиновник. Позор!“

Сергей Петрович стал перечислять корни и причины.

„Во-первых, служба отнимает время, во-вторых, бытовое окружение. А главное — не разработано мировоззрение“.

Навстречу прошла тоненькая белокурая девушка с пачкой книг.

„Какая одухотворенная мордашка. Наверное, читает Маркса. И глаза замечательные. А у меня фисгармония совсем отупела. Нет, довольно быть мещанином. Догнать и перегнать. С осени непременно займусь разносторонней учебой и перестроюсь по-новому“.

И тут же усмехнулся.

„А почему с осени? Почему не с первого числа? Почему даже не с сегодняшнего? И даже почему не сейчас?“

Сергей Петрович решил начать новую жизнь немедленно и сам себе скомандовал:

„Раз, два, три — начинаю. Могу же я сейчас воспринимать жизнь в порядке горения? Могу. Зачем же откладывать?“

Со всего ходу на него налетела гражданка с корзинкой и отдавала ногу.

— Виноват, это я сам наскочил, размечтался...

— Размечтался! Нарезутся тут и проходу женщинам не дают.

Сергей Петрович нисколько не рассердился. К чему? Отдельные акты несознательности и грубости пока еще неизбежны. Наследие прошлого.

К Сергею Петровичу обратился парень с запиской.

— Большой Козолупинский переулочек? А это, голубчик, направо. Вон туда.

„Главное — поближе к массам. Терпеливое раз'яснение и обучение. И совсем не так уже трудно“.

Тут он вспомнил жену. Жена была трудная. Мировоззрения кухонного.

„Куплю ей цветов. Цветы облагораживают и смягчают“.

Сергей Петрович купил на пятерку букет розовых и красных пионов.

Домой он вошел не без мещанской робости, пряча цветы за спиной.

— Ты где был?

— Как, где? На собрании. Замечательное собрание. Теперь, брат Маруся, новая жизнь для меня начинается. То-есть для нас с тобой. По такому случаю разреши преподнести! — и он протянул букет.

— Это еще откуда?

— Не откуда. Просто купил. Подруга, так сказать, жизни и поддержки.

— Да ты не виляй! Нашкодил, небось, а теперь юлишь!

— Маруся! Ну, как не стыдно! Ты гасишь лучшие порывы. Я пяти рублей не пожалел...

— Пяти целковых? Ты просто обалдел! У нас за квартиру не плочено... Нет, интересно, где ты шляется?

„Вот и попробуй тут гореть“...

Не зная, как подступиться к семейному окружению, он просто завалился от греха на диван.

„Надо будет посоветоваться с кем-нибудь или почитать Энгельса,— у него, говорят, есть что-то насчет семьи и брака“.

Но Энгельса под рукой не было, и пришлось ограничиться Джеком Лондоном. Не успел Сергей Петрович прочитать полстранички, как его позвали в коридор к телефону.

— Ты что же? А у нас уже собрались...

— Простите, Федор Федорович, взял работу на дом.

— Чепуха. Сегодня Татуське ровно семь месяцев. Приходи немедленно. И с Марьей Игнатьевной непременно.

— Да я, Федор Федорович...

— Вздор! Форма одежды обыкновенная, — и Федор Федорович, сам заведующий складом, положил трубку.

„Опять будут карты и сплетни, — вздохнул Сергей Петрович, — где тут, к чорту, перестраиваться. Разве дадут“.

— Маруся, собирайся. Федор Федорович приглашает. Татуське сегодня семь месяцев. Чего же ей поднести?

— Вот тебе и новая жизнь, — обрадовалась жена. — Может, заместителем сделает. А поднести можно эти пионы. И дешево и сердито...

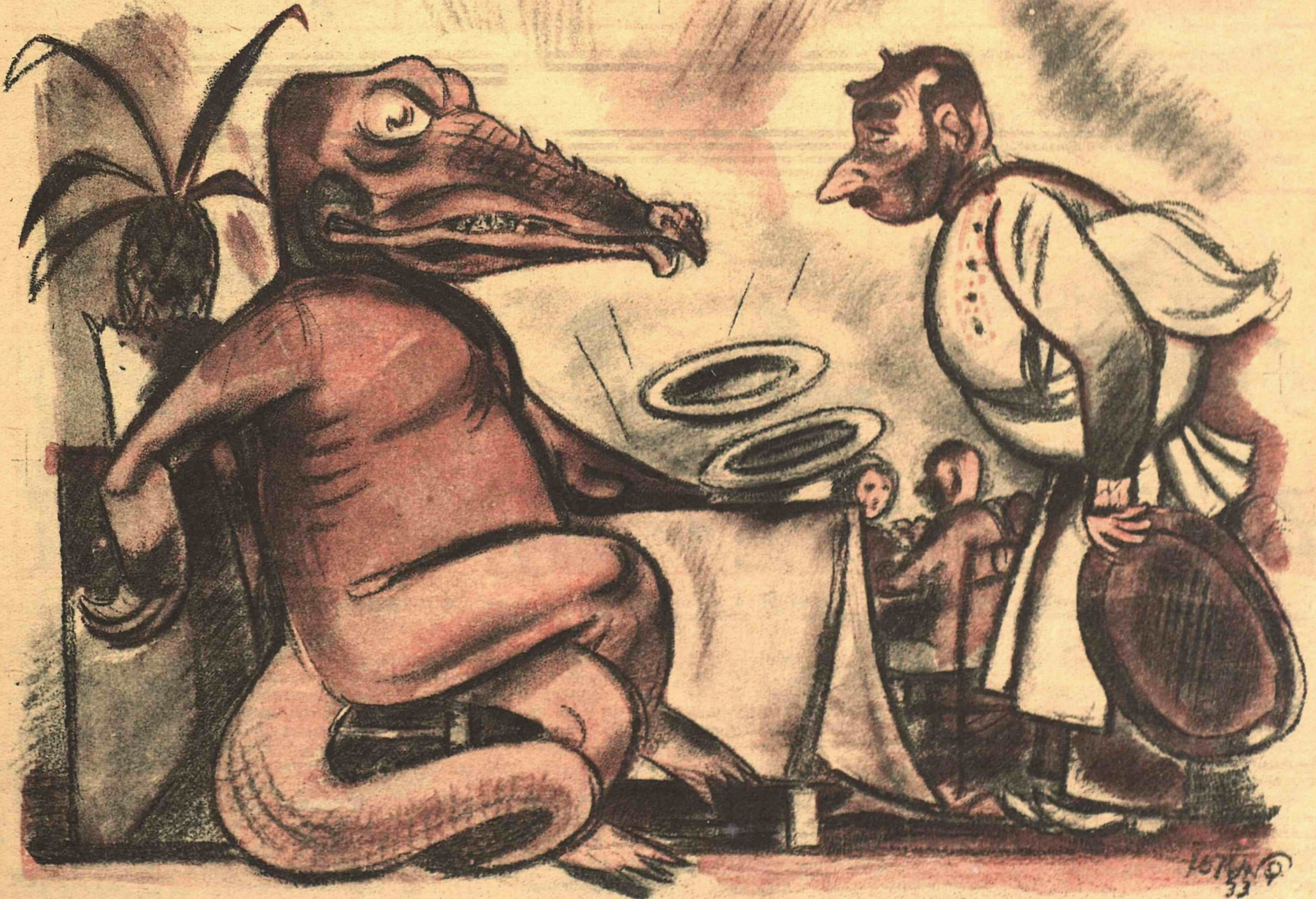
„Какое уже тут горение. Ну, да ладно. Сегодня не будем считаться. Но завтра, завтра обязательно начну. И потом смешно, — начал без всякого плана. Сперва посоветуюсь с крепкими ребятами и, главное, план конкретных действий“.

Бодро завязывая галстук, он смотрел в зеркало твердо и без смущения. Чего смущаться? Ведь он завтра начнет безусловно новую жизнь. Столько времени жил, — сегодня можно и помещанить. Одино денечек можно вместо горения и покоптел!

Б. САМСОНОВ

Рис. Ю. Ганфа

В системе Нарпита за год растрачено и расхищено продуктов на 17 с половиной миллионов рублей.

В НАРПИТЕ

— Что вам подать?

— А подать сюда все правление!!!

РЕЛЬСЫ

ГУДЯТ

КОНТОРА

ПИШЕТ

Вечер... Поезд... Огоньки.
Длинная дорога.
Сердце ноет от тоски,
На душе тревога.
(Из циркуляра № 72446
дирекции И-ской дор.)

(Текст Е. Весення и М. Глушкова)

Лучшие ударники дали транспорту полный ход. Однако паровоз вперед летит далеко не с той скоростью, какой требуют наши великие дни. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) издали по этому поводу специальное постановление о работе железнодорожного транспорта.

Кто тормозит? Кто исподтишка враждебной рукой нажимает рычаг, замедляющий скорость. Кто бумажными буранами канцелярских отношений засыпал пути?

Мы — на пороге осенне-зимних перевозок. Прошла весна, проходит лето. А многие железнодорожные ветки не по сезону распустились. Расхлябанность, разгильдяйство в цвету.

В управлении тяги — никакой тяги и производству — все больше к канцелярии.

В управлении пути — неразбериха и распутица.

У работников службы движения грузы месяцами лежат без движения.

С дороги всех чиниш, бюрократов, вредителей и воров! С дороги!..

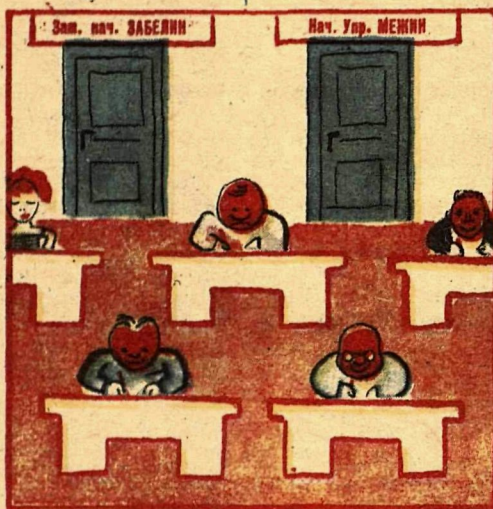
1. Основная масса инженерно-технических работников транспорта осела в канцеляриях. На линии работает всего 20—25 проц. специалистов.

2. План ремонта пути за первый квартал выполнен на 15 проц. «Путь — самое узкое место в железнодорожном транспорте» (из речи т. Андреева).

3. Северокавказская дорога побила рекорд по количеству хищений.

— Кто посмеет утверждать, что я не выезжаю на линию?!

— Какое узкое место, когда тут еще можно свободно пять человек посадить?

— Однако в этой полосе отчуждения усилению занимаются отчуждением социалистической собственности!

4. «Есть начальники станций, которым ежедневно приходится прочитывать 600 бужаек». (из выступления т. Землячки).

5. Многие работники транспорта объясняют невыполнение плана ремонта пути тем, что промышленность систематически срывает снабжение транспорта рельсами.

6. «Ремонтировать так, чтобы паровоз не чихал при первых морозах» (из выступления т. Андреева).

— Побольше бы хороших путей и меньше канцелярских сообщений.

— Я перевел бы свою работу на новые рельсы, но промышленность их не дает.

— Сколько лет чихаю, а им все начхаты!..

ВМЕСТО ВЕНКА

«О поле, поле, кто тебя усеял...» Незабвенной памяти тех, кто не устоял против натиска стихии,—эти строки. Им, похороненным в безбрежных сугробах, наше прощальное слово.

Была зима. Снегом замело дороги, семафоры, стрелки, станции. Снежный покров рос этажами. Куряне стойко боролись со снежными заносами и вышли героями из этой борьбы.

Была весна. Неудержимой стремительной катились с гор талые воды. Залило пути, стрелки, станции. Семафоры мелькали, как буйки на море. Куряне героически боролись с потоками весенних вод и вышли победителями из этой борьбы.

Было лето. Неведомо откуда на курян нагрянуло нашествие мышей и крыс. Потребительская кооперация на Курской понесла жестокий урон: усушка, утруска, усыпка, утечка... Но из этой беды куряне вышли героями.

Была осень. Станции, пути, стрелки и семафоры—все затопило дождями. Куряне самоотверженно боролись с беспрестанным ливнем, и из этой борьбы куряне вышли победителями.

Но пришел год, 1932 год. Извержения вулкана, нашествие крыс, снежные заносы, ливни — все это было детской игрушкой, незавидной мелочью, когда курян постигло новое бедствие:

За 1932 год Курская дорога получила 464.741 разных отношений. Приказов и циркуляров от НКПС было получено 1.010, а других распоряжений НКПС 20.783. Заявлений о пропаже багажа поступило 19.187 и прочих бумаг — 423.816.

Из аппарата Курской за 1932 год вышло исходящих 1.027.476 бумаг! В НКПС отправлено — 15.360 отношений.

Спите спокойно! Да будет бумага вам пухом!

ИСКУССТВО

„Что это за окверный гор-род. Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор,—чорт их знает, откуда и наемут всякой дряни“.

(Гоголь — „Ревизор“.)

НАСЧЕТ ДАТСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Вышел первый бюллетень партколлектива горкома писателей, посвященный чистке партии. Ах, какой это прекрасный, хороший бюллетень! Как это у них все спокойно, аккуратно, прямо-таки, продукция малых форм: „Все понятно, все прекрасно, все проверено“.

Писатель Макар Пасынок на четырех страницах расписывает, какой он хороший, как он работал, в стенгазете и как его там за это хвалили. Писатель Иван Батрак тут же рядом торопится сообщить, что и он тоже хороший, он тоже работал, его тоже хвалили.

Это центральные гвозди бюллетеня. Дальше, в таком же приятном маниловском стиле, в этиких спокойных розовых тонах и вкусе „бланманже“.

Бюллетень между тем ставит своей целью публиковать сведения о партийной, профсоюзной и общественной деятельности членов горкома в связи с предстоящей чисткой.

Позвольте помочь, товарищи! И вместе с небезызвестным драматургом, хотя и не членом горкома, стариком Шекспиром воскликнуть: „Увы, не все спокойно „в датском королевстве!“

„КОТЛОВАНС“

Слово „котлованс“ происходит от двух весьма важных в практике Всероскомдрама и его секций понятий: „котел“ и „аванс“. Первое следует расшифровать, как неисчерпаемый кладез, откуда берут (технически — „делают от’ема“), второе — суть производственная форма самого „от’ема“.

Можно смело перефразировать: „Покажи мне твой аванс, и я скажу тебе, кто ты таков“.

„Аванс“ составляется из хорошего знакомства с руководителем той или иной „творческой“ секции и большей или меньшей степени нахальства и предприимчивости.

Член Всероскомдрама „активист“ Равич является к секретарю Всероскомдрама Россовскому и лапидарно заявляет:

— Нуждаюсь. Желательно отнять!

— Сколько? — интересуется Россовский.

— По мере возможности. Тысячки две, три.

— Это можно, — облегченно вздыхает Россовский. И в Фас летит протокол секции за подписью единолично Россовского — выдать!

Энергичный Равич имел доход по авторскому счету 500 рублей в месяц. Зато расходов, то-есть авансов, им уже „отнято“ около 10 тысяч. Но что это значит для „талантливового“ драматурга, успешного под одну пьесу (не пошедшую) получить авансы у четырех организаций. Он сует директору Фаса липовый чек Моута, у которого на текущем счету одни ноли без палочек, и получает чаемое. Инцидент исчерпан. От’ем произведен.

А чем плох драматург Ваграмов? Он любит дачи. Разве не он потребовал у Россовского выдачи 10 тысяч аванса на покупку дачи под Москвой.

Дачи, понятно, без отдачи. Ибо на авторском счете у него максимум

200 рублей в месяц. Ваграмов, конечно, заплатит аванс, когда рак свистнет. Но какое дело до этого Всероскомдраму?

Драматургам нравится мебель, особенно стильная. Пожалуйста, Всероскомдрам выдает аванс на мебель. Драматургам нужны квартиры. Пожалуйста! Всероскомдрам выдает авансы и на квартиры. Но, понятно, не всем. А тем, кто волей судеб находится в от’емной „обойме“. И у коих, как правило, от’емная энергия обратно пропорциональна их творческой ценности.

Всего на авансы, командировки и прочие „котловансы“ выдано 148 тысяч рублей.

Салтыков-Щедрин когда-то писал о знаменитом „союзе пенкоснимателей“.

„Союз сей вольный по существу. Каждому предоставляется снимать пенки с чего угодно и как угодно. Эта уступка делается тем охотней, что в подобном занятии никаких твердых правил установить невозможно“.

Последователи „союза свободных пенкоснимателей“ обнаружены в довольно большом количестве в секциях Всероскомдрама и горкома. Любители „котловансов“ и разновидности их — творческие „контрактанты“ — лучшее тому доказательство.

Контрактация обычно производится так:

Тайком от посторонних взглядов, в скрытом месте, собираются известные во Всероскомдраме, но неизвестные в литературе персоны и выдают авансы под будущую мощную продукцию другим неизвестным персонам.

Одним — написание оды в честь случайной кампании Скотоводтреста. Другим — на трагедию „Разновидности сорняков на кукурузных полях“. Третьим — на комедию для Союзрыбы из жизни сознательных карпов.

Серьезно к этому почти никто из „контрактантов“ не относится и, получив деньги, по большей части тут же забывает о дальнейшем или же спокойно продолжает писать то, что писал до сих пор.

Продукции, обычно, не приносят, а если приносят, то заказчики в панике, как например, Наркомсовхоз от пьесы Горева. Иногда исчерзают и сами авторы. Князев и Андрианов, получивши деньги и сдав жуткую халтуру, исчезли так, что их не мог найти даже угрозыск.

Некоторые развивают зато бешеную энергию по получению этих контрактаций.

Так например, Арский ухитрился четыре раза получить контрактацию и, отчаявшись получить в пятый раз, выпросил хотя бы сто рублей на лечение расстроенного столь энергичной деятельностью по от’ему здоровья.

Аркадий Ситковский успел получить несколько контрактаций, несколько тысяч рублей авансом, квартиру в Камергерском, мебель и 300 рублей на лечение, хотя здоровье т. Ситковского как будто превосходно, чего ему и впредь желаем.

Неутомимую „творческую“ энергию развила и малоформистская секция, где в два счета организовали новую „большую форму“ от’ема: бюро распространения (под руководством Свена). Бюро распространило несколько произведений

и скончалось, оставив убытку секции, свыше 7 тысяч.

Но пальму первенства в этой области по всей справедливости следует вручить руководителю секции композиторов (ныне горкома) товарищу Атовмьяну.

Товарищ Атовмьян развил целую симфонию, поистине вагнеровской мощи.

Правда, следует сразу отметить, что творчество композитора Атовмьяна несколько уклонилось от линии музыкальной к линии криминальной.

Уехав в командировку по мобилизации на 15 суток, т. Атовмьян получил с Всероскомдрама суточных и командировочных за 109 суток, присвоив вполне незаконно около 1.000 рублей. За это Всероскомдрам, приказом секретаря Россовского, постановил отпустить после командировки товарища Атовмьяна на 2 месяца, с сохранением содержания, для отдыха.

Имея дохода по авторскому исполнению 2 рубля в месяц, композитор Атовмьян выписал себе аванс в 3.000 рублей, по каким „мотивам“ неизвестно. У товарища Атовмьяна натура вообще крайне широкая, измерению почти не поддается. Не удовлетворяясь раздачей авансов и контрактаций всем знакомым, он ухитрился выдать 1.250 рублей даже сотруднице секции Быховской, абсолютно не имеющей никакого отношения к композиторам и музыке.

Больше того, в списке его благодеяний есть даже выдача им „в займы“ члену секретариата Всероскомдрама тысячи рублей „на покупку квартиры“. Правда, деньги эти ему вернула все та же многострадальная секция, и сердобольный Атовмьян не пострадал.

Мы опускаем мелочи, вроде поездок в командировки с получением оплаты из трех источников сразу. Лейтмотив симфонии достаточно ясен. Подробности в специальных партитурах ревизионных комиссий.

СЛАБОЕ ДОСТИЖЕНИЕ

В качестве достижения, которым долго козыряли во Всероскомдраме, приводится бывший Методцентр, то-есть организация, созданная для проверки, аттестации произведений авторов и помощи им.

Работа этой организации обошлась Всероскомдраму в 40 тысяч рублей. Целая плеяда критиков и методистов сидела и изучала, контролировала и помогала.

Каковы же результаты этой бурной деятельности?

Предоставим оценку самим работникам Методцентра.

Товарищ Пикель, комментируя рецензию одного из рецензентов на пьесу „Военком“, резонно удивляется:

„Странно, что приходится давать отзыв о пьесе, которая вот уже год идет в театре Красной армии и пользуется заслуженным успехом“.

Действительно странно. И даже нелепо. Так же нелепо, как отзыв на пьесу „Растеряева улица“, три года идущей в Малом театре и имеющей отзывы всей нашей прессы. Кому нужны отзывы Методцентра в этом случае?

Не напоминают ли эти занятия занятия академиков острова Лапуты, записанных Свифтом?

Теперь о качестве рецензентов и рецензий.

Тот же т. Пикель пишет о рецензии Сидоркина на пьесу „Грамотей“.

„Совершенно не согласен. Сплошные придириги“.

На некоторые пьесы рецензии не давались годами.

На пьесу, принадлежащую перу самого рецензента Методцентра Журова, есть отзыв другого рецензента:

„К распространению не принимать как лубочную агитку, не имеющую никакой ценности“.

На скетч его же: „Низкопробная халтура“.

Однако, автор этой „низкопробной халтуры“ и „лубочной агитки“ волей судеб оказывается вдруг авторитетным критиком и рецензентом для произведений других авторов.

„Авторитетная“ оценка Журовым других авторов обошлась в 2.100 рублей. Тов. Подольский должен был по договору сделать два доклада, подготовить и сдать научно-методическую работу, рецензировать пять пьес в месяц и получать за это 250 рублей в месяц.

Ровно ничего из всего этого Подольский не сделал, за что и получил 1.250 рублей. Забежал сюда, в Методцентр, на минутку и критик Млечин (Мосрепертком), получил тоже 500 рублей, сделал ручкой и послал воздушный поцелуй гостеприимной организации.

Даже за участие в дискуссиях по поводу пьес критики и методисты Методцентра ухитрились методически получать по 250 рублей на персону.

Можно вообразить, какие горячие дискуссии и споры здесь велись? Впрочем, необходимость ликвидации этой организации довольно скоро стала для всех бесспорной.

ПИСАТЕЛЬ НЕДОУМЕВАЕТ

Писатели знают, что партия и правительство делают многое для писателя и ставят его в самые благоприятные условия.

Но эти льготы и преимущества не всегда доходят по точному адресу.

Полумиллионный культфонд, имеющийся в распоряжении секций, не использован на 70 процентов, а часть его использована на художества, о которых мы пишем.

У писателей есть распределитель и столовая. Но они работают из рук вон скверно. Писателям предоставлено большое количество пайков. Но в списках горкома добрая половина таких „писателей“, писательская подпись которых красуется только на ведомостях получения зарплаты.

Писатели имеют дома отдыха — Малеевку и Галицыно. Почти совхозы. Но живут в них, и часто бесплатно, папы, мамы, тети и тещи аппаратных литсановников.

Во Всероскомдраме в собственном соку варится группа одних и тех же лиц „актива“. Широкая писательская общественность находится в стороне. Достаточно сказать, что за год почти во всех секциях было по одному общему собранию, а в киносекции — ни одного. Ответственный секретарь Вишневецкий за год участвовал только 2 раза в заседаниях секретариата. Оргсекретарь Всероскомдрама Успенский 6 месяцев находился в творческом и обыкновенном отпусках.

В руководстве Всероскомдрама сейчас новые товарищи: Амаглобели, Киршон и др. Будем надеяться, что им удастся выкорчевать такие понятия, как „от’ем“, „котлованс“ и др. из практики писательских организаций.

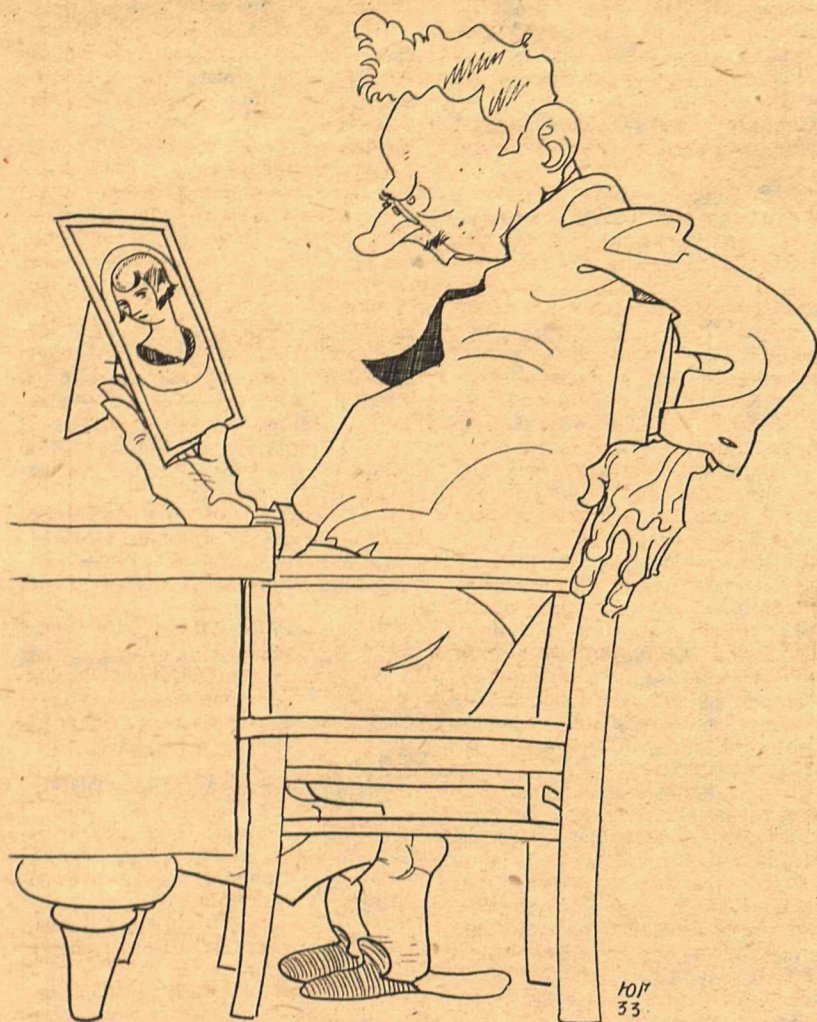
Наше дополнение к розовому бюллетеню несколько затянулось. Но еще больше, по нашему мнению, затянулось хроническое молчание партийной прессы, которой известно о многом из вышеизложенного.

Есть о чем поговорить, товарищи, помимо эзерсизов Батрака и Пасынка!

— „Начнем, пожалуй“, — как сказал тоже не член горкома драматург А. С. Пушкин.

БРИГАДА „КРОКОДИЛ“

КОМЧВАН В БЫТУ

— Не то обидно, что жена бросила, а то, что ушла к какому-то беспартийному.

РАЗВЯЗАННЫЕ УЗЛЫ

(На приеме в Об'единенном бюро жалоб)

— Бюро жалоб Наркомюста, алло! — кричит в телефонную трубку инспектор Об'единенного бюро жалоб. — Опять вам звоню. Почему вы замариновали дело номер... Алло! Тыфу ты... Опять прервали... Станция? Три два раза семьдесят... Три семь ноль семь ноль... Станция. Молчите, алло!

На стол инспектора по крестьянским делам залег локтями очередной посетитель.

— Кто будете? — спрашивает инспектор, погружаясь в мелкоисписанную хартию.

— Это мы-то кто будем?

— Вы!

— А просто крестьяне.

— Что с вами случилось?

— Что с нами случилось? Корову отняли — раз, семь кур отняли — два. Зеркало отняли. Банку пустую. Сеялку.

— Вы кто ж такие будете?

— Кто, мы-то?

— Вы!

— А просто крестьяне. Хозяева.

— Да что случилось-то?

— Раскулачили...

...Вопрос сразу становится ясным, комментарии и разговоры излишни, но „просто крестьянину“ нет никакого дела до живой очереди за дверью, ему еще о многом надо поговорить с инспектором, потому что зеркало отняли — раз, сеялку отняли — два, семь кур отняли — три...

Учрежденческое дело разбирает сейчас другой инспектор. Он — старший инженер Бензолскладстроя. Ударник. Премиирован 1 мая. Но он, инженер, занимается к тому же самокритикой. Он — старший инженер — пишет заметки в стенгазету Бензолскладстроя. Больше того — он в редколлегии. Больше — замредактора.

И вот сейчас его увольняют под видом мобилизации на периферию. А мобилизуют под тем предлогом, что слабый-де работник.

Следовательно слабых работников сплавляют на периферию?

Спрошенная тут же по телефону администрация Бензолскладстроя заметалась у телефонной трубки:

В СТРАНЕ РОЗ

Сегодняшня Болгария наиболее популярна розами и виселицами. Розы сажают местное население, оно же выжимает из них масло, а прибыль идет иностранцам. В благодарность за это с работающим населением обращаются так же, как с розами, но только в несколько обратном порядке: сначала из него выжимают все, что можно, потом его сажают, а недовольных таким порядком вещей вешают. Такой конвейер уже несколько лет заменяет Болгарии экономику и политический строй.

Прабиг страной очередной генерал, отличающийся от других генералов только ростом, полнотой, количеством повешенных и ориентацией.

Когда в Болгарии начинается очередной переворот, генерал, исполняющий обязанности платного и внештатного диктатора, вызывает к себе ад'юганта и, прожевывая кусок жареной свинины, дает краткое и деловое распоряжение:

— Займите почту, закройте типографии, арестуйте лидеров профсоюзов и повесьте тридцать коммунистов!

— Кем прикажете их об'явить, ваше превосходительство: македонцами, венгерцами или итальянцами?

— Начиная пока с маленького: об'явите их пока государственными изменниками и вешайте. Надо показать, что у нас уже восстановлен порядок!

И если вы посмотрите сегодняшние газеты, вы увидите, что и на этот раз нормальный ход болгарских событий не изменен.

В правительстве Мушанова начались семейные неурядицы. Так сказать, легкие разногласия. Сторонники итальянской ориентации хотели посадить в тюрьму сторонников ориентации французской. Те

почему-то хотели наоборот. Но это в области внешней политики. В области политики внутренней разногласия сводились только к темпам.

Фашистски настроенные италюфилы хотели сначала повесить деятелей профдвижения и коммунистов, а потом об'явить их вне закона, а франкофилы хотели наоборот: сначала об'явить вне закона, а уже потом повесить. Свое не уйдет!

Мудрый генерал Мушанов решил, что в доброй семье не должно быть ссор, и сразу нашел способ примирить обе стороны.

— Ад'югант!

— Здесь, ваше превосходительство!

— Займите почту. Заняли? Закройте типографии. Сами уже закрылись? Прекрасно. Арестуйте левых профсоюзников. Уже? Вы прекрасно разбираетесь в политике, молодой человек. Сколько арестовано коммунистов? Двести? Можете итти завтракать!

— А какой мы ориентации, ваше превосходительство?

— К вечеру разберемся. Сейчас некогда на пустяках останавливаться. Как дела в провинции?

— Блестяще, ваше превосходительство!

В Варне арестованы 123 коммуниста и лидеры левых профсоюзов, в Бургасе закрыты профорганизации и арестовано 341 человек, в Пловдиве — 137...

Болгария наиболее популярна розами и виселицами. В этом сезоне с розами обстоит неблагополучно. С виселицами лучше. Богатейший урожай, примиривший все ориентации. Что и требовалось доказать.

АРК. БУХОВ

— Собственно, видите ли, товарищ инспектор, он не слабый работник, но, видите ли, собственно...

— Что собственно?

— Вам бы лучше запросить об этом отдел кадров Наркомтяжпрома. Это, видите, собственно, по их назначению...

— Хорошо. Запросим, — вешает трубку инспектор и вызывает по телефону секретаря ячейки Бензолскладстроя, который собственно и проговорился, раскрыв всю „механику“.

Опять вьется змейка у телефонной трубки.

— Лично я ни за и ни против. Меня об этом не спросили. То-есть спросили, но я...

Инспектор со стуком вешает трубку.

Старший инженер, общественник Бензолскладстроя, больше не суетится, не выхватывает лихорадочно из тугого портфеля протоколов и копий заметок. Зачем? Все, что должен и может сделать инспектор, он сейчас же делает. „Узел“ развязан.

И еще одно дело. Служащая из Казакстана едет с путевкой в Ессентуки. В Москве в Цусстрахе ей надлежит по договоренности продлить путевку. Но там обнаруживают, что путевка рабочая. И мудро решают: ни продлевать ни обменивать — из'ять! Пусть гражданка едет „скатертью-дорогой“ обратно в Казакстан и устраивает истерику своим.

Поезд на Минводы ушел по расписанию, а гражданка осталась и провела ночь на вокзале. На другой день она пришла в Об'единенное бюро жалоб. Оттуда, с Ильинки, 23, телефонный звонок мгновенно умеряет пыл разгоряченных мозгов в Цусстрахе.

— Вот тут, товарищ Меркулов, вчера к вам с путевкой приходила гражданка из Казакстана, а вы...

Впрочем, больше инспектору не надо говорить. В ответ предупредительно журчит:

— Пусть гражданка из Казакстана к нам сейчас же придет, и мы...

— А вчера этого нельзя было сделать? Эх, вы. Значит, я к вам ее сейчас направляю!

И ласковая телефонная трубка рокошет в ответ:

— Пожалуйста, пожалуйста! Пожалуйста!

Л. МИТНИЦКИЙ

БЛОКНОТ КОНТРАМАРОЧНИКА СОВАТОРСКОЕ САМОЛЮБИЕ

„Уж сколько раз твердили миру,
Что... хорошо живешь Шекспиру!
Он выходил на сцену без
Сокомпаньонов слав и пьес.
А нынче? АВТОР ПЬЕСЫ „ПАКЛЯ“
Дополнен АВТОРОМ СПЕКТАКЛЯ
Как скромный АВТОР ТЕКСТА. Вишь,
Глядят СОВАТОРЫ с афиши.
Их много. АВТОР ДЕКОРАЦИЙ
и АВТОР ТРЮКОВ СВЕТОВЫХ,
Потом, вписавший в пьесу стих,
Театра штатный, „свой“ Гораций.
Вот рядом АВТОРЫ КУЛЮР
и ВСТАВОК, длинных чересчур.
Вот АВТОР СКОБОК, АВТОР СНОСОК.
Вот АВТОР ГРИМСВ и ПРИЧЕСОК.
(Я подмигнул ему, узнав)...
Вновь — автор .. автор... ав... ав... ав!
Их тьма, — хотите ль, не хотите ль!
Кто не соавтор? Разве зритель!
Нет даже зритель тот таков, —
Он также хочет называться
Хотя бы АВТОРОМ ОВАЦИЙ,
Хотя бы... АВТОРОМ СВИСТКОВ!

„СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО“

Степшон Ильинович. Юрьев стилиен.
Халаты. Медь монгольских окул.
Романсов выбор изобилек.
Однако ж .. Сухово-Нобылин
Не в меру пьеску растянул!

„МАШИНАЛЬ“

Пеступок мистрис беззаконен,
А поплатилась... Коонен:
Игрой оправдывать изволь
Ложнотрагическую роль!
Жене противный острастью пылкой,
Джордж Дойнс угроблен был бутылкой.
Финал?

Конечно трибунал.

.. Я почему-то вспоминал
Строку „Онегина“:

„Печально,

Как говорится: МАШИНАЛЬНО...“

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

ОМРАЧЕННОЕ ТОРЖЕСТВО

Колхоз „Боевик“, завершивши посев,
Дворы кумачом опоясывал.
От бурного счастья совсем окосев,
Ежов, председатель, подплясывал.
На семьдесят слов в близлежащий район
Ежовым завинчена „молния“.
Ежов — возглашает, собой упоен:
— Колхоз наш весельем наполюю я!
Короче — Ежов посевные дела
Отметил колхозной гулянкою:
Ну, выпивка легкая в роще была,
И спорила песня с тальянкою.
— Посеял досрочно! Высокая честь! —
У преда кружение темени...
А чтоб урожай и сберечь и учесть,
Ежову не выдалось времени!
Ежов для себя выбирал пьедестал
(Героям стесняться, мол, нечего):
И вызванный скульптор немедленно стал
„Ударника“ увековечивать!
Из ближнего города прибыл поэт,
— Саженьный детина, с экземою, —
И рифмы ища на „ежов“ и на „пред“,
Потел над огромной поэмою...
В правленьи стоял развеселый галдеж,
Гремели слова барабанами,
А в это же время пшеница и рожь
Стояли совсем безохранными.
Кулацким „цирюльникам“ здесь хорошо,
И стрижкой, бритьем занялись они...
Ежов изумился, когда подошел,
Дивился огромнейшей... лысине...
Потом рассердился, подпрыгнул, как мяч,
Досаде предела не ведая:
На лысине черно-трагический грач
Сидел, с аппетитом обедая.
Ежов взъерепенился, тигром рыча,
Шипел, как гадюка гремучая:
— Сию же минуту казните грача, —
Виновника этого случая!..
Но грач промолчал, чуть прищурив глаза...
Что думал он? — Не разберешь его.
Не мог говорить он, а то бы сказал,
Наверное, мало хорошего.

В. ГРАНОВ

ДРАГОЦЕННЫЙ СОСУД

Никто, конечно, не говорит, что жестяное ведро вещь простая. Конечно нет. Тут тебе и донышко, тут и ручка, тут и прочие подробности.
Но все же утильщик „Серпа и молота“ слабо разбирается в разнице между сооружением ведра и, к примеру, Шаболовской радиостанции.
Сделав для соседнего цеха шесть обыкновенных жестяных ведер, утильщик прислал счет, по которому каждое ведро обошлось в 104 рубля.
После протеста цеха ведра перебрали, сделали скидку, и ведро обошлось всего в 58 рублей штука.
Конечно такие драгоценные сосуды не следует пускать в обращение. Лучше всего налить в эти ведра холодной воды и лить ее на разгоряченные головы администраторов утильцеха.

НАУЧНЫЕ ПРИБОРЫ

Наука — дело тонкое. В ней надо разбираться. Заведующий учебной частью техникума ГОРТ в Москве, например, прекрасно разбирается. Этот ученый муж получил ассигновку в 7.300 рублей на выписку научных приборов для физического кабинета.
По зрелом размышлении гортовский ученый купил на эти деньги гитару, фотоаппарат и две пары золотых часов.
А так как эти научные приборы вызвали некоторую дискуссию в отношении их применения, то гортовский ученый разрешил проблему очень

просто: присвоил все „научные приборы“ в собственную идею!

СПАСАЙТЕ ОТ ШЕФА

Есть старая пословица: „Спасите меня от друзей, — с врагами я сам справлюсь“.
И, действительно, совхоз Диржаблестроя с врагами справляется довольно удачно. Но от друзей ему туго приходится. В особенности свирепствует шеф совхоза — вервь Диржаблестроя.
К посевной вервь отремонтировала совхозу 19 лемехов, 8 ножей, нарезала резьбу на оси крестьянского хода и отремонтировала 14 вальков.
Работа нормально стоит полтора рубля, но по шефскому знакомству вервь загнула всего-навсего тысяча семьсот сорок семь рублей 26 копеек.
SOS! Спасайте от шефа!

РОМАН В РЕЗОЛЮЦИЯХ

Красный партизан Усачев был командирован на хлебозаготовку в Пенджикент, Таджикской ССР.
Вернувшись, Усачев представил маленький счет в 248 руб. командировочных. И вот что выросло на этой маленькой бумажке:
„1. Направить в природное хозяйство. ЛОМАКИН.
2. Направить РПО для оплаты. МЕДВЕДОВСКИЙ.
3. Ломакину. Обеспечить выплату. МЕДВЕДОВСКИЙ.“

4. Выплатить не могу. Он уволен с 12. Райпо. ХОХЛОВ.
5. Рассмотрите в части оплаты природному хозяйству. ЛОМАКИН.
6. Заотзерно. Вы должны платить. ВИНУКОВ.
7. Профсекретариат. Нами Усачев не командировался. Интерес в хлебе общий, а не личный. Уплаты Усачеву не буд. КОНТЫР.
8. Тов. Глебский. Зарплату сучтоными Усачеву выплачивать заплатить. Полагаю, что из фонда по хлебозаготовкам. РОГОНОВ.
9. Товарищ Усачев был директором природного хозяйства. Полагаю, нужно выдать зарплату из природного хозяйства (подпись неизвестна).
Усачев до сих пор ничего не получил. Резолюции растут без конца и края. В жарком климате Таджикистана бюрократизм произрастает, видимо, особенно буйно и безудержно.

ПОСЛЕДНИЙ КОЧАН

Совхоз „Южные рассады“ (Урал) занимается подготовкой капустной рассады для северных районов, которые ценят рассаду на вес золота.
В виду вышеназванного, директор совхоза Бобков при всемерной помощи правления, ухитрился сгноить миллион штук рассады. Последний уцелевший кочан, повидимому, приспособлен в качестве головы для директора этого совхоза.

ЦЫПЛЯТ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ...

Страшную директиву послало Западное объединение мелкого животноводства (Смоленск) „всем райо“:
„Предлагается вам к 20/Удать следующие сведения:
1. Сколько кур имеется при каждом дворе. 2. Сколько посажено наседок. 3. Сколько под каждую наседку положено яиц“.
Вот уж, действительно, анкета — курам насмех! Какая это мокрая курица выскикивает такие вещи?

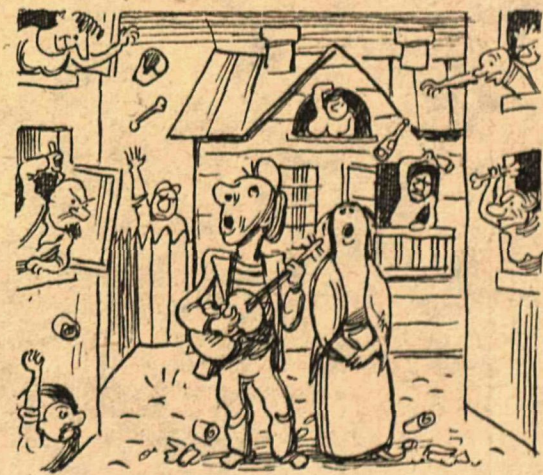
КАК СОБРАТЬ УТИЛЬ

Рисунки Н. Радлова

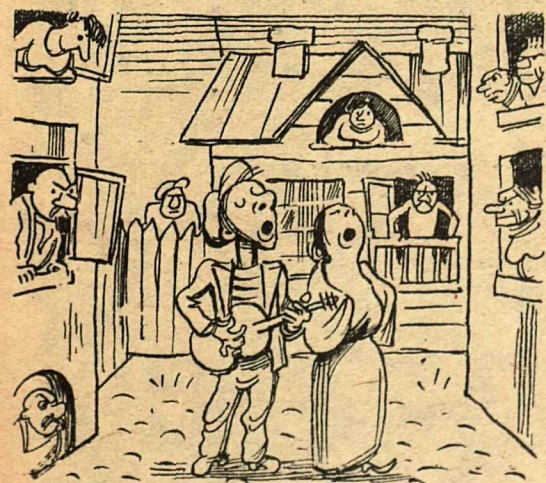
(Патент заявлен „Крокодилом“)

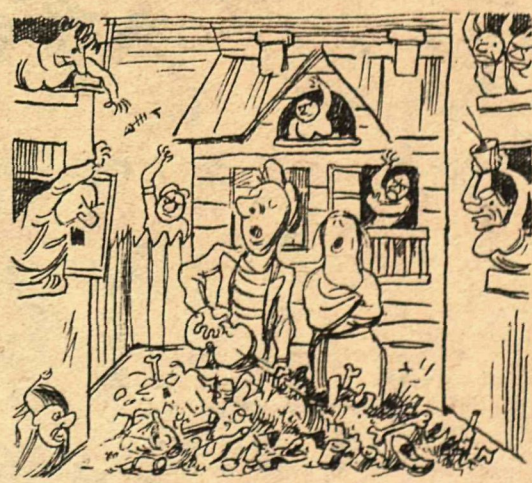
1. Берется обыкновенная эстрадная пара Мосгомэц с его типичным репертуаром и посылаются по дворам.

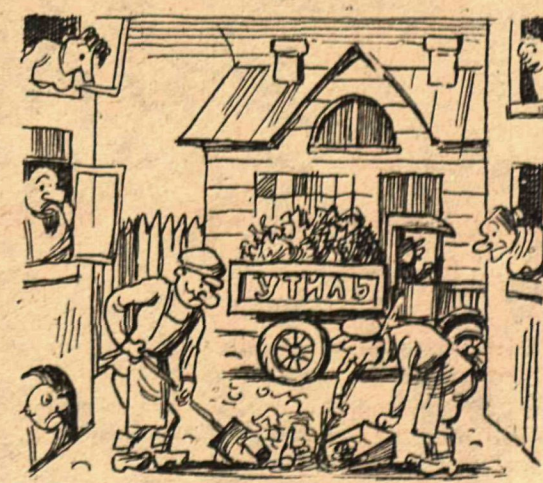
2. Характер исполнения и качество репертуара медленно...

3. Но верно приносят свои плоды.

4. Благодарная аудитория буквально засыпает исполнителей подношениями.

5. После чего остается только собрать урожай!

АРХИВ
17 ИЮЛ 1933
Г. Ц. К. П.

Руководители Одесского зернотреста Залогин и Лещ скрыли тысячи центнеров зерна.

Рис. А. Топикова

КУЛАК: — Не спрячете ли заодно и мои мешки? Осенью разберемся.

Н О В Ъ

Тает облачко тумана...
Чуть оцветает, ранним-рано
Вышел старый дед с клюкой.
Бел, как лунь, в рубаше длинной,
Как из повести старинной,
Ну, совсем, совсем такой!
Вот трепка за поворотом,
Где мальчишкой желторотым
К быстрой речке бегал дед.
В роще, в поле он, как дома,
Все вокруг ему знакомо

Вот уж семь десятков лет.
Семь десятков лет — не мало!
Все случалось, все бывало...
Голод, войны и цари, —
Все ушло... Покрылось новью,
И на новь глядит с любовью
Белый высохший старик.
Он стоит, склонясь над нивой.
Золотой, густою гривой
Колосится в поле ромь,
Нет межей во ржи обломной,

И своей полоски скромной
В этом море не найдешь.
Деловитый и серьезный,
Смотрит дед, — и хлеб колхозный
Сердце радует ему:
— Эх! И знатно ж колосится!
Дед хотел перекреститься,
Да раздумал... Ни к чему!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-НУМАЧ